

ДОСТАТОЧНО ЛИ ТЫ
СМЕЛ, ЧТОБЫ ОТПРАВИТЬСЯ
В ЗАГАДОЧНЫЙ ЛЕС?

ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ЩЕППЫ

СЭМЮЭЛ ДЖ. ХЭЛЛИН

Сэмюэл Дж. Хэлпин
Очень странные Щеппы
Серия «Фэнтези для подростков»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51625983

Очень странные Щеппы / Сэмюэл Дж. Хэлпин ; [перевод с английского

А. В. Дёминой].: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106143-2

Аннотация

Это история о сонном городке под названием Пена, месте, где воздух полнится историями о бесследно исчезающих детях. Поппи предстоит провести лето у бабушки в Пене. Скукотища... Однако очень скоро начинают происходить странности! Девочка находит записную книжку с обложкой будто из тончайшего шёлка, бабушка говорит, что кусочки сахара надо обязательно запирать на ночь, чтобы не случилось беды, а в Пене тем временем пропадают дети. Это началось много лет назад. И с тех пор детей в Пене становится всё меньше. Объединившись с новым другом по имени Эразмус, Поппи берётся выяснить, что творится в городке. Как с исчезновением связана заброшенная ткацкая фабрика, расположенная в мрачном Загадочном лесу? Почему окружающие вздрагивают при одном упоминании о последних хозяевах фабрики – странных Щеппах?

Содержание

Пролог	7
Один	13
Два	23
Три	30
Четыре	43
Пять	58
Шесть	70
Семь	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сэмюэл Дж. Хэлпин

Очень странные Щеппы

*Маме, папе,
Джорджине, Джулиану, Микаэле,
Камилле, Ксавьеру и Реми*

Samuel J. Halpin

The Peculiar Peggs of Riddling Woods

Copyright © Samuel J. Halpin, 2019 Cover and inside illustrations reproduced by permission of Usborne Publishing Limited. Copyright © 2019 Usborne Publishing Ltd. Cover and inside artwork by Hannah Peck © Usborne Publishing Ltd, 2019 Type by Leo Nickolls © Usborne Publishing Ltd, 2019 Dirt frame overlay © Thinkstock / jakkapan21 Translation copyright © 2020, by EKSMO

© Дёмина А.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Взволнована

Поппи никак не могла перестать волноваться.

Вытянув шею, она прижала раздумяившуюся щёку и нос к холодному стеклу окна вагона и попыталась сосредоточить взгляд на проносящихся внизу камешках и рельсах.

«Дыши, – сказала она себе. – Дыши».

Она всегда так делала, когда сердце решало сыграть в игру, будто Поппи бежала со всех ног на гору, хотя на самом деле ничего такого не происходило.

«Я не волнуюсь», – решительно заявила она своему отражению.

У отражения были серо-голубые глаза и короткие любопытные волосы цвета ржавчины и кирпичей, совсем как у неё. Но она не думала, что её собственные локти действительно такие острые, а руки настолько тонкие, как те, что она видела в отражении. Достав из рюкзака куртку, она надела её поверх бутылочно-зелёного кардигана, чтобы спрятать эти огромные острые локти. Собственноручно сшитый кардиган покрывал её любимое вельветовое платье мандаринового цвета, как мох – старое дерево. У платья были два замечательно больших кармана спереди, куда помещалась куча полезных мелочей, и Поппи любила надевать его, когда

у неё было творческое настроение или она отправлялась в долгое путешествие.

БЕРЕГИС ШЕПЕЛЯВОГО МАРЛИ

...прочла она неровную надпись на стене вагона и сердито подумала: «Неужели, тот, кто не пожалел полчаса на царапанье пластика, не знал, что «берегись» пишется с мягким знаком на конце?»

И тут же одёрнула себя: «Не будь такой занудой».

Поппи захватила с собой к бабушке лишь один рюкзак. В конце концов, она собиралась пробыть в Пене всего две недели до конца летних каникул (пока папа в отъезде), поэтому вещей у неё было не так уж много. Этот рюкзак был с ней уже ну очень давно. Она была не из тех, кто нуждается в обновках. Если подумать, кому нужны новые вещи? Всем, кроме Поппи.

Для Поппи новые вещи означали новые запахи. Новые туфли обещали новые мозоли. Новый рюкзак гарантировал, что ты засадишь под ноготь иголку циркуля, пока будешь искать внутри линейку. Поппи не любила *новое*. Чтобы что-то было новым, что-то другое должно стать старым, а это что-то старое, в свою очередь, могло с большой вероятностью оказаться забытым.

Как и почти всегда, когда едешь на север, пейзаж за окном становился более зелёным и менее цивилизованным. На смену многолюдной мозаике полей пришли тихие и нетронутые полосы листвы и голых стволов с редкими белыми вкрап-

лениями в тех местах, где меловые пласты, пронизывающие почву этой части страны, поднимали над поверхностью свои рыхлые головы.

Очередная станция осталась позади, и Поппи попробовала позвонить бабушке, чтобы напомнить, когда её следует встретить. Бабушка не ответила. Бабушка редко брала трубку. Но Поппи не волновалась. Именно так она и сказала себе, опять: «Я не волнуюсь». Потому что если бабушка что-то никогда и не делала, так это не забывала. Ничего и никогда.

Поезд вошёл в поворот, и Поппи увидела впереди, как вагоны один за другим, будто гусеница, исчезают в туннеле. Вскоре вагон, в котором ехала Поппи тоже погрузился во тьму. Девочка затаила дыхание и успела досчитать до восьми, прежде чем поезд выскочил из противоположного конца туннеля. Они с мамой постоянно так делали, когда проезжали на машине по туннелям, ведущим в Лондон. Самый долгий их счёт достигал сорока трёх секунд.

Сердце Поппи запыхтело в ритм с мотором поезда.

«Прекрати, глупая ты штуковина», – подумала она, обращаясь к тому месту в груди, где, по её предположению, находилось сердце.

Бросив взгляд вдоль длинного покачивающегося вагона, она заметила, причём, кажется, впервые, сидящую в самом конце, у раздвижных дверей, высокую женщину. Она смотрела в окно и сжимала пальцами тонкую серебряную трость.

«Не похоже, чтобы ей нужна была трость», – подумала По-

ппи.

Обычно если кому-то нужна была опора при ходьбе, люди пользовались ходунками, или проворными маленькими скутерами, или кресельными подъёмниками (их часто устанавливают на лестницах в домах у пожилых).

На женщине был вельветовый пиджак с россыпью блестящих булавок и серебристая шапка с пером, таким закрученным, что оно почти запуталось в тёмных кудрях. Женщина улыбалась. Кажется, она знала, что Поппи за ней наблюдает.

Не отворачиваясь от окна, женщина сняла одну из зелёных перчаток и быстро сунула руку в карман, но Поппи всё же разглядела её узловатые пальцы. Сердце Поппи заколотилось. Руки женщины были совсем не такие, как лицо. Лицо было как стекло, а руки – как запятнанная бумага.

Поппи на секунду отвернулась, но так, чтобы видеть женщину краем глаза. Та достала из кармана маленький кошелёк в тон пиджака. Открыв его, она вынула зеркальце и поправила скрюченным пальцем кудри.

По обеим сторонам поезда, подобно искорёженным дымоходам, вздымались ввысь чёрные деревья, росшие вокруг Пены.

Поппи не заметила ещё одного туннеля, и затопившая вагон тьма застала её врасплох. Девочка опять задержала дыхание и принялась считать:

«Один, два, три...»

Что-то громко стукнуло по дну вагона.

«Четыре, пять, шесть...»

Она закрыла глаза.

«Семь, восемь, девять...»

Солнечный свет вернулся, и Поппи увидела впереди ржавую крышу станции Пена. Девочка обвела взглядом вагон. Женщина исчезла.

Но как такое возможно? Поезд ехал в туннеле всего девять секунд. Может, женщина ушла в соседний вагон? Но Поппи не слышала, чтобы раздвигались двери.

Динамики прокряхтели что-то насчёт «не забывайте свои вещи» и «конечная».

Поппи забросила рюкзак за узкие плечи и встала около дверей. И тут она заметила забытый на сиденье кошелёк той женщины. Он был почти такого же мягкого зелёного оттенка, как обивка сиденья. Поппи бы его проглядела, если бы не топталась на месте в попытке просунуть руку в лямку набитого рюкзака. Двери открылись, в вагон ворвался осенний ветер, и Поппи, вместо того чтобы, как обычно, всё хорошо обдумать, схватила кошелёк и сунула его в один из своих замечательно больших карманов.

Один

Ткань

– Сними ключ с моего запястья, – сказала бабушка Поппи, когда они зашли в дом.

Поппи один раз уже навещала бабушку. Тогда Поппи было года три или четыре, и мама привезла её на машине на один день. После этого бабушка несколько раз приезжала к ним в гости на поезде, а так Поппи разговаривала с ней только по телефону. Но всё это было не важно, потому что бабушкин дом пах точно так же, как она помнила: тёмным деревом, мускусом и сахаром.

– Подойди к шкафчику у камина и осторожно приоткрой дверцу.

Поппи сделала, как было велено.

– Теперь одной рукой подними крышку банки, что завернута в марлю.

Поппи послушалась. Черчилль, бабушкин мини-пиг, покружил по кухне, что-то возбуждённо вынюхивая, затем бросился через дверь к своей корзине и улёгся в тепле у камина, в котором тихо горело толстое бревно, окружённое сухими сучьями. Мама всегда говорила, что на её памяти ни разу не случилось так, чтобы в бабушкиной гостиной не трещало пламя в камине.

– В Пене всегда на семь градусов ниже, чем где-либо ещё, – добавляла она. – И если тебе не нравится погода, достаточно просто посмотреть в другую сторону, потому что температура в Пене изменчива, как ветер.

– Найди щипцы и возьми два кусочка сахара. – Бабушка сощурилась на Поппи из другого конца комнаты. – Браво. Теперь крепко-крепко зажми кусочки в кулаке, но так, чтобы они не раскрошились. Закрой шкафчик. Принеси мне ключ.

Поппи *в точности* выполнила все бабушкины указания.

– Опusti сахар в мой чай, только очень осторожно, чтобы не было всплеска.

Сделав это, Поппи размешала чай.

– Превосходно! – прошептала бабушка, с шумом отпив. – А-а-ах!

Она чмокнула губами.

На Поппи это не произвело никакого впечатления.

– Вскоре ты поймёшь, что я далеко не истинная леди, Поппи, – сказала бабушка, уловив безмолвное неодобрение внучки. – Не в том смысле, что я не девочка. Я очень даже девочка. А в том смысле, что я говорю с полным ртом. Ставлю локти на стол. *Обожаю* перебивать людей.

Она подмигнула ей маленьким глазом.

Поппи не знала, что сказать, поэтому сменила тему:

– Бабушка, почему ты прячешь сахар?

Бабушка опять отпила и устроилась поудобнее. На ней был мятый шёлковый халат цвета жжёного бренди, как она

сама говорила, и шапочка, съехавшая набок, как размякшее на солнце авокадо. Поппиным глазам нравился этот цвет. Жжёное бренди заставляло её думать о чёрном кофе, янтаре и каштанах. Шапочка напоминала феску, а её кисточка пританцовывала вокруг пышных бабушкиных волос. На носу, обрамляя сине-зелёные глаза, сидело медное пенсне.

Поппи нравилось рассматривать бабушкино кресло. Оно было изрядно потёртым, в заплатках и исколото сотнями блестящих булавок. Бабушка всегда говорила, что лучшие идеи посещают её именно в этом кресле. Она называла его Троном Мудрости.

Бабушка была швеёй и могла сшить абсолютно всё, что угодно. Представьте любой костюм – она могла его сотворить. Чешуйчатый морской монстр, одеяния золотого султана или гоблин, всю одежду которого составляли листья и ветер. Она работала по ночам, её длинные пальцы строчили и валяли, как паук. И хотя сама бабушка не была знаменита, её костюмы пользовались успехом. Их всегда можно было узнать по маленьким инициалам, вышитым на подкладке: **Т. Х.**

– Сахар *необходимо* закрывать на замок, – просто сказала бабушка, хотя это был совсем не ответ. После чего она со скоростью летящей мухи сменила тему: – Я переехала в Пену сорок шесть лет назад, когда мне было двадцать два. Люди здесь ни на каплю не добрее или злее, чем в любом другом городе. Книги в библиотеке такие же, как везде. Почту

доставляют ни на секунду не быстрее, а пироги с бараниной столь же вкусны, как те, что пекут в двух станциях отсюда. Я приехала сюда не за этим. Я приехала в Пену ради ткани.

Бабушка сделала ещё глоток. Когда её морщинистые губы оторвались от ободка чашки, по поверхности чая пробежала рябь.

– Во всём огромном и чудесном *мире* нет ткани лучше, чем та, что ткут в Пене.

Поппи обхватила ладонями кружку с какао и устроилась рядом с бархатными тапочками бабушки.

– Я видела ткани, что меняли цвет подобно каракатице и

что крошились, как древние камни, но под иглой вели себя как новенький атлас.

– Где ткут такие ткани? – спросила Поппи.

– На фабрике Хеллиган, что стоит на реке сразу за городом. Мисс Кринк из магазина тканей говорит, что раз в неделю, утром вторника, вниз по реке спускается ящик с рулонами самых изысканных тканей, и течением его прибывает к берегу ручья, протекающего рядом с её лавкой. Ни рулона ткани не залёживается, потому что их всегда ровно столько, сколько требуется. Ни на дюйм больше или меньше.

– Кто их изготавливает?

– Это, – ответила бабушка, – остаётся тайной. – Она недолго подумала. – Твоя мама не хотела бы, чтобы я тебе это говорила, но раз её больше нет с нами, теперь я принимаю подобные решения, и я тебе скажу.

Бабушка кашлянула и открыла стоящую рядом с ней банку консервированных персиков.

– Много лет назад, до того как появились уличные фонари и автомобильные гудки, в Пене открылась знаменитая фабрика тканей. Сюда приезжали торговцы со всех уголков земли. Для местных ткачей не было ничего невозможного, никакой оттенок не был слишком специфичным, никакая текстура – слишком сложной. Ты мог принести им мухомор, и они соткали бы тебе красную в белую крапинку ткань с изнанкой из молочного гофрированного муслина, такого нежного на ощупь, словно они утянули его из чулана ведьмы. Их

вуаль была такой лёгкой, что ею можно было обернуть привидение.

– Как у них это получалось? – спросила Поппи, а сама подумала, не преувеличивает ли бабушка.

Бабушка доела последний персик и отпила из банки сиропа.

– Кто-то скажет, что они ткали её из паутины Свистящего Паука, кто-то – что они использовали нити Китайского Дьявольского Червя, размягчённые в желудке Прыгающего Верблюда. Но у меня своё мнение...

Старушка сощурила синие, как море, глаза и наклонилась к Поппи.

– Всё дело в магии, – сказала она и ковырнула между зубами иголкой.

Внезапно Поппи вспомнила о существовании растущих сзади на шее тоненьких волосков, потому что они вдруг зашевелились.

– Ты же не думаешь, что я в это поверю, бабушка.

– А как ещё ты это объяснишь?

Поппи задумалась ненадолго и рассеянно прикинула, не куснуть ли ноготь.

– Ну, нет доказательств того, что кто-то видел привидение или заглядывал внутрь чулана ведьмы. А значит, нет доказательств, что те ткани действительно были такие особенные, разве нет?

Бабушка улыбнулась.

– Будь осторожна, моя кнопочка, иначе тебе грозит стать очень умной. А напряжённые раздумья закупоривают мозги не хуже, чем размягчённые овсяные хлопья забивают водосток.

Поппи прищурилась. Бабушка протянула ей чашку.

– Будь так добра, дорогуша, налей мне ещё чаю и принеси печенье.

Поппи поставила чайник на плиту.

– На чём мы остановились? Ах да! – воскликнула бабушка, отпарывая несколько чешуек от своего нынешнего творения – пары крыльев жука. – Ткани стали ещё знаменитее, город Пена процветал и рос... пока не начались странности.

Чайник засвистел, закипев, и Поппи залила горячей водой ароматные чайные листья.

– Один за другим, будто птицы летом, стали исчезать дети.

Поппи поставила назад чайник и принесла бабушке чай.

– То есть как «исчезали»? Как? Когда это произошло?

Черчилль положил мордочку на край корзины, будто тоже слушал историю.

– Именно так, как я и сказала: дети начали исчезать. Один здесь, другой там. Они растворялись. Я помню, мне было двадцать три, когда исчезла Вилма Норблс. Она была чемпионкой по плаванию. Каждый день перед школой плавала вверх и вниз по реке, будто тюлень, пока однажды утром не приключилось нечто странное. Всё началось с глаз Вилмы. Очень медленно, постепенно, их цвет стал блекнуть. Она и

опомниться не успела, как цвет её волос тоже будто вымылся. Когда Вилма зашла в реку в последний раз, её волосы были седыми, как у старухи, хотя ей исполнилось всего десять лет. Люди, стоящие на берегу, видели, как она сделала глубокий вдох, нырнула и растворилась, как капля краски. Кто-то говорил, что её съела древняя рыба, которая, по слухам, обитала в реке Пене. Но даже я не настолько суеверна, чтобы поверить в *такое*.

Поппи вежливо кивнула. Она не была уверена, стоит ли верить хитрой старой бабушке. Поппи всё-таки уже двенадцать, а в этом возрасте начинаешь всерьёз оценивать, сколько в чужих словах правды, а сколько лжи.

– Я вижу, ты мне не веришь, но вот что я тебе скажу: с тех самых пор, очень медленно, но верно, детей в Пене становилось всё меньше.

– Куда же они деваются? – спросила Поппи. – Когда это случилось в последний раз?

Бабушка посмотрела на неё и ответила лишь на один из её вопросов:

– Никто не знает. Принеси сахар, кнопка. Два кусочка.

Поппи достала сахар, следуя бабушкиным инструкциям.

– А что с фабрикой сейчас?

– Она всё там же, – отпив чаю, ответила бабушка. – Стоит себе где-то в лесу за городом. В Загадочном лесу. Забытая, разрушенная и заросшая кустарником. Никто не знает, откуда приплывают те рулоны, из фабрики или ещё откуда-то.

Местные любят посудачить, что эти ткани прокляты.

– Прокляты?

– Прокляты, – повторила бабушка. – Привидением прачки, что сидит на берегу реки и отстирывает пятна с серой ткани.

– Так не бывает, – пробормотала Поппи, но в груди у неё заворчалось беспокойство.

– Может, и не бывает, но есть те, кто её видел, – лукаво усмехнулась бабушка. – А теперь, раз следующие пару недель ты поживёшь со мной здесь, в Пене, пока твой папа в отъезде, я хочу, чтобы ты следовала четырём простым правилам. Сейчас уже, похоже, все о них позабыли, но я, Поппи, бываю порой немного старомодной и предпочитаю их придерживаться.

Поппи достала из рюкзака записную книжку и стала записывать за бабушкой. С каждой строчкой её пальцы всё сильнее цепенели, а сердце ускорялось в знакомом ритме.

ПРАВИЛА:

1) Стирай только днём. Снимай постиранное с бельевой верёвки (даже если оно не просохло) не позднее шести вечера.

2) Весь сахар должен быть закрыт на замок.

3) На ночь закрывай и запирай окна и задёргивай шторы.

4) НИКОГДА, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не протирай подоконники.

Два

Сахар

Случай, послуживший началом истории Поппи, был совсем не счастливым. Вообще-то он был откровенно ужасным. И включал в себя три составляющие: грузовик, перевозящий мешки с грязным бельём, опасный поворот и маму Поппи. Любимую мамочку Поппи.

Когда Поппи думала о первых нескольких месяцах после несчастного случая, она вспоминала лишь одно большое чёрное пятно и маленькие цветочки на серебристой ручке гроба, внутри которого, как она знала, лежала её мама. Прошло одиннадцать месяцев, но это чёрное пятно всё так же висело перед её внутренним взором.

В тот день, когда врачи отключили аппарат и сердце мамы Поппи перестало биться, сердце Поппи начало время от времени ускоряться. Будто хотело что-то нагнать, как преследующая почтальона собака. Она не знала, почему так, но всякий раз у Поппи возникало необъяснимое чувство, будто из-за угла на неё несётся что-то страшное. Она не рассказывала об этом папе. Он бы ответил что-нибудь в духе: «Это психосоматическое» или «Сходи покатайся, и тебе станет намного легче». Папа думал, что катание на велосипеде может вылечить абсолютно всё, даже эту гнетущую ледяную пустоту,

что будто лютый мороз сковал их жизни в тот день, когда мамы не стало.

Папа где только не катался и успел побывать в велотурах в более чем тридцати странах. Бабушка любила говорить, что его нужно наградить медалью за умение замарать лайкру до невозможности в более чем тридцати климатических условиях. На эти две недели папа уехал в Канаду, и бабушка могла увеличить это число до тридцати *одного*.

Бабушка была совсем не такой, как мама. Бабушка пила чёрный кофе. Мама – зелёный чай. У бабушки жил шумный мини-пиг. Мама жила сама по себе. В доме бабушки царил вечный беспорядок и буйство красок. В доме мамы всё было упорядочено, приглажено и вытерто. Поппи не считала, что одно лучше другого. Она знала лишь, что бабушка и мама всегда были разными. Не то чтобы они не любили друг друга. Просто мама всегда начинала вести себя немного странно, стоило кому-то сказать, что пора бы навестить бабушку, и никто не знал почему.

Следующим утром, то есть в воскресенье, Поппи наблюдала со своего места в гостиной за тем, как бабушка открывает уже вторую – первая была в девять часов – упаковку «Кислых клубничных колёс» Бонхильды Бонхоффер. Ба-

бушка разматывала их, похожих на змеиные языки, и с жадностью уминала, пока её руки были заняты шитьём.

Бабушка ела так, что мама Поппи перевернулась бы в гробу. И бабушка предпочла бы съесть банку пиявок, чем то, что готовила мама по рецептам, соответствующим принципам здорового питания.

Поппи вспомнила, как бабушка в один из своих редких визитов спросила маму:

– Что это за дрянь, дорогая? Отходы в корыте для свиней и то выглядят аппетитнее. Я лучше проглочу набор кеглей для боулинга, чем буду мучить себя этими сующи.

– Суши – это здоровая еда, бабушка, – пустилась тогда в объяснения Поппи. – Водоросли нори, которыми они обёрнуты, богаты витаминами и минералами. Это полезно для здоровья. Нельзя есть сладкое всю жизнь.

– Никто ещё не выжил на одних лишь сладостях, – встала мама.

– Ну а я попробую, – не отступила бабушка. – Лучше умереть вкусной смертью, чем жить безвкусной жизнью. Таков мой девиз в отношении как стилей одежды, так и еды.

То утро, как и следующие несколько дней каникул, пока в окна барабанил дождь, Поппи провела за сортировкой пуговиц по цвету, форме и размеру. Их у бабушки были тысячи банок. Она постоянно покупала ношенные вещи, *только* чтобы срезать с них пуговицы, после чего сдавала вещи обратно в магазин.

Рядом с рабочим столом бабушки висел носок, куда она бросала ненужные пуговицы. Поппи быстро уяснила, что в конце дня его содержимое следует вытряхивать в одну из банок, прямо как мусор из корзины. Затем она перебирала их с помощью широкого подноса, словно золотоискатели на канале «National Geographic». Она уже успела найти среди пуговиц целую россыпь замечательных вещей: напёрстки, беруши, маленький игрушечный кораблик, синие стеклянные шарики, кусочки цветного стекла, скрепки. А также кое-что, на взгляд Поппи, очень странное – маленький гребень с резным женским портретом.

– Костяной, полагаю, – сказала бабушка, изучив гребень под увеличительным стеклом. – Да, он определённо из кости.

– Из чьей кости?

– Китовой, полагаю, – рассудительно произнесла бабушка. – Или, возможно, носорожьей. Раньше чего только из костей не делали: корсеты, флейты, лопаты, пуговицы, даже дома.

Поппи поёжилась.

– В моей коллекции есть банки с пуговицами отовсюду. Кто-то, должно быть, спрятал в этой гребень, – сказала бабушка, нахмурившись. – В пуговицах заключена магия. Пуговицы закрывают куртки, карманы и сумки. Они держат вещи скрытыми от посторонних глаз. Не пропускают ничего внутрь и не выпускают ничего наружу. Если бы я не хотела, чтобы кто-то что-то нашёл, я бы спрятала это в банке с пу-

говицами.

– Можно я возьму его себе? – спросила Поппи, взяв гребень.

– Конечно. Носи его в волосах.

Поппи была не в восторге от идеи носить у себя на голове кусок старой кости. Но она примерила гребень ради бабушки.

Где-то в середине этой масштабной операции по сортировке пуговиц Поппи решила, что бабушке пригодилась бы целая отдельная комната для пуговиц.

– Куда ведёт эта маленькая дверь, бабушка? – громко спросила Поппи, стоя в чулане на втором этаже.

– Кажется, в старую кладовую для сахара, – донёсся снизу бабушкин голос. – Я не поднималась по этой лестнице последние шестнадцать лет, поэтому не могу быть уверена. Больная нога, знаешь ли. Во всех старых домах Пены есть кладовая для сахара, что-то вроде маленького чердака. Так постановил городской совет.

Поппи перелезла через ящики со всякой ерундой и пыльными костюмами, что бабушка успела накопить за многие годы, и потянула за дверцу. Она была заперта.

– А ключ есть?

– Я его потеряла, – вздохнула бабушка. – Тебе придётся воспользоваться скрепкой или ещё чем-нибудь, чтобы вскрыть замок.

Поппи поискала среди окружавшего её пыльного беспорядка и нашла стопку пожелтевших счетов, соединённых скрепкой. Руби Гаттс, лучшая школьная подруга, научила её вскрывать замки. Руби была как сорока. Она могла проникнуть куда угодно: в коробку с выпечкой мисс Баум, в шкафчик с тестами мистера Гилларда. Бабушка разрешила Руби приехать и пожить у них несколько дней перед началом школьных занятий.

Пара ловких движений – и маленькая дверца отворилась. Поппи протиснулась внутрь.

«Будь я хотя бы чуть-чуть крупнее, – подумала она, – я бы не пролезла».

Бабушка была права. Помещение действительно напоминало маленький чердак. Поппи смогла поместиться в эту комнату-шкаф, но для этого пришлось улечься на живот. Прямо над ней была крыша, и у Поппи возникло такое чувство, будто её запихнули в кукольный домик. Ей не терпелось показать эту комнату Руби, когда та приедет.

Стены закрывали бесконечные ряды коробок с кусковым сахаром. Похоже, здесь многие годы никто не бывал.

Поппи услышала, как бабушка открыла на кухне упаковку с печеньем.

– Ты пойдёшь со мной к врачу? – громко спросила бабуш-

ка.

Поппи не ответила. Она почувствовала что-то под собой. Что-то внутри своего кармана. Повернувшись на бок, она достала кошелёк, который подобрала в поезде пару дней назад. Сегодня Поппи впервые с приезда в Пену надела мандариновое платье.

Она собиралась поискать ту женщину на платформе или отдать кошелёк в бюро находок на станции, но, увидев ожидающую её бабушку с Черчиллем, она так обрадовалась, что всё остальное вылетело у неё из головы.

Кончиками пальцев девочка потянула замочек молнии. Внутри кошелька обнаружилось несколько вещей, к которым Поппи не горела желанием прикасаться (мятый носовой платок, вымазанные в ушной сере беруши и ментоловые конфеты). Но ещё там оказалась старая потёртая книжечка размером не больше тоста. По краям торчали нити. Зелёная ткань переплёта показалась Поппи знакомой.

– Поппи?

Поппи выползла из кладовой и убрала кошелёк и книжечку назад в карман платья, чтобы изучить их потом на досуге. Спускаясь по лестнице к входной двери, она ощутила крошечный укол раздражения: жаль, что бабушке было назначено к врачу именно сегодня. Она пыталась слушать, что говорит бабушка, пока Черчилль бежал впереди них по улице, но её внимание постоянно ускользало, а руки то и дело теребили шёлковую обложку лежащей в её кармане книжки.

Три Уксус

В приёмной врача пахло, как в гостинице, где Поппи останавливалась вместе с тётей в ночь несчастного случая с мамой. Плакаты на стенах выцвели, а заламинированные стенды, призывающие тщательно мыть руки, пошли пузырями и отслаивались.

Поппи почесала шею и оттянула колючий ворот вязаного джемпера. Утро выдалось на удивление холодным, но сейчас она жалела о своём решении одеться по погоде. Джемпер был ещё одним её творением. И хотя поначалу она думала, что сочетание коричневой, фиолетовой и белой шерсти – это оригинальная идея, в итоге пришлось признать, что джемпер был похож на то, что обычно набрасывают поверх дивана.

Бабушкин врач, доктор Йеммен, казался приятным мужчиной, но бабушка явно получала удовольствие, притворяясь, что ненавидит его.

– Тильда Хериссон? – позвал доктор Йеммен.

– Да иду я, иду, – отозвалась бабушка, поднимаясь и нащупывая в сумке направление. – Я не глухая. Орать необязательно.

– Сегодня у нас проверка слуха, так что вскоре мы сможем в этом убедиться, не так ли, миссис Хериссон? – улыбнулся

врач.

– Что?! – выпалила бабушка.

– Еще я склоняюсь к проверке зрения, – добавил доктор Йеммен, заметив Черчилля. – Потому что я не помню, чтобы перед названием моей клиники было слово «ветеринарная».

– Забавно, – сказала бабушка. – Потому что я также не помню, чтобы где-то там висел знак «Свиньям вход запрещён».

Доктор Йеммен закатил глаза и убрал рецептурный бланк в папку, лежащую на стойке регистрации.

Бабушка подмигнула Поппи.

– Сиди здесь, пока я не вернусь, кнопка. Присматривай за Черчиллем. Я всего на минутку. – Доктор Йеммен поторапливал её войти в кабинет, и она пробормотала напоследок: – Если выйду от него живой.

Черчилль улёгся у ног девочки. Поппи думала полистать какой-нибудь журнал, но мама всегда говорила, что болеющие дети оставляют на них микробы, и если Поппи возьмёт их почитать, то подхватит тиф или холеру и умрёт прежде, чем кто-нибудь успеет произвести «антисептик для рук».

Затем Поппи вспомнила о книжечке у себя в кармане. К её разочарованию, страницы были пусты, не считая крошечных инициалов «М. Г.», вышитых на внутренней стороне обложки. Меркантильная Горилла, возможно? Или Морской Гребешок?

– Скорее всего, это просто дневник, который та леди так

и не завела, – пробормотала Поппи.

– Что это? – раздался вдруг незнакомый голос.

Поппи подняла глаза. С другого конца комнаты на неё смотрел мальчик с волосами такого светлого оттенка, какой Поппи видеть ещё не приходилось. У него были яркие зелёные глаза, а кожа бледная, как чашка свежего молока. В руке он держал небольшую, но толстую книгу «Дешифровка криптографии» за авторством доктора Нила Гантара. С шеи мальчика свисала какая-то объемная штука на ремне, в которой Поппи узнала цифровую видеокамеру. Она видела такие только в фильмах девяностых годов. Рядом с этим необычным мальчиком стояла леди с чёрными волосами, ногтями, выкрашенными в чёрный цвет, и с чёрной помадой на губах.

– Свинья в приёмной... – пробормотала леди себе под нос.

– Что «что»? – спросила Поппи.

Мальчик подошёл и сел рядом с ней.

– Это, – сказал он, постучав пальцем по книжке.

– Это... книга.

– Что за книга?

– Я не знаю, – ответила Поппи и перелистнула страницы. –

Она пустая.

Она продолжила делать вид, будто читает пустую книжку.

Мальчик вздохнул, после чего взял у неё из рук книжку и тщательно осмотрел. Затем поднёс к самому лицу и снова вздохнул. Поппи неловко улыбнулась женщине, та в ответ саркастически хмыкнула.

«Должно быть, это его мама, – подумала Поппи. – Я не виню её за такой яркий макияж. Я, наверное, тоже захотела бы спрятаться, будь у меня такой сын».

Мальчик понюхал страницы.

– Она не пустая, – сказал он Поппи.

– В каком смысле? Конечно, пустая.

– Нет.

И, к ужасу Поппи, он высунул язык и лизнул страницу.

Поппи выхватила у него книжку и вытерла рукавом. Ма-

ма была права. Болеющие дети любят оставлять везде свои микробы. Теперь она наверняка сляжет со скарлатиной ещё до наступления ночи.

– Ты что творишь? – возмутилась она. – Она даже не моя!

– Уксус, – сказал мальчик.

– Уксус? – повторила Поппи.

– Я так и сказал.

– Как тот, который добавляют в салат?

– Попробуй, сама узнаешь его на вкус, – предложил мальчик. – На этих страницах что-то написано уксусом. Чтобы это прочесть, тебе понадобится фен.

– Поппи? – донесся бабушкин голос. – Ты готова? Доктор Йеммен закончил меня мучить, и теперь мы можем пойти по магазинам.

– До следующего раза, миссис Хериссон, – улыбнулся доктор Йеммен.

Он повернулся к мальчику с белыми волосами и указал ему внутрь кабинета. Прежде чем скрыться за дверью, мальчик обернулся к Поппи и сказал:

– Уродский джемпер.

– У тебя есть фен, бабушка? – спросила Поппи, пока они шли по главной улице Пены.

Черчилль на серебристом поводке жизнерадостно трусил впереди.

– Нет, – ответила бабушка, останавливаясь, чтобы перевести дух. – Фены – это пустая трата денег. Если мне нужно быстро высушить волосы, я пользуюсь утюгом. Но так как я стара, у меня осталась всего пара волосинок, поэтому не о чем хлопотать.

Поппи стиснула пальцы, представив себе эту картину. Бабушка всегда считала себя выше правил безопасности. Она неустанно твердила, что никогда не пользовалась напёрстком.

Ветер пронёс мимо них по улице пустую упаковку от сахарного печенья в виде сердечек и с джемом. Руби, подруга Поппи, их обожала и ела каждый день в школе на первой перемене.

Поппи ощутила прикосновение чего-то волнующего и неосязаемого. Она схватила бабушкину руку и прижала к щеке.

– Поппи, дорогая?

Поппи молча стиснула её ладонь.

«Она здесь. Всё хорошо».

Поппи подняла голову. Удивительно, но главная улица Пены совсем не казалась сонной. Вдоль поднимающейся по склону дороги тянулись магазинчики из красного кирпича, разбавляемые сеткой пустых клумб и выцветшими знаками «Продаётся». Перед супермаркетом медленно ржавел боль-

шой хлопкопрядильный станок, видимо, поставленный здесь в качестве украшения. А в самом конце улицы находилось место их назначения – магазин тканей мисс Элизы Кринк «Пёстрое переплетение».

Когда они зашли в пахнущее плесенью помещение, откуда-то из глубин донёсся звон колокольчика. Полки магазина занимали катушки позолоченных нитей, пуговицы с камнями, мятый шёлк, изящные вышивки «фитильками», скомканные завитки шантильского кружева и рулоны ватной набивки.

Элиза Кринк шагнула за прилавок с гигантским рулоном неоново-голубой ткани на плече и шипящим утюгом в руке. Полотно было красиво обёрнуто вокруг картонного цилиндра, слегка погнутого на одном конце.

– Да это же моя любимая покупательница, миссис Хериссон! – хрипло воскликнула она.

– Она говорит то же самое каждому Тому, Дику и Гарри, заходящему в эту дверь, – шепнула бабушка Поппи. – Из меня такая же её любимая покупательница, как из неё – курица.

Но всё внимание Поппи было устремлено на карандаш, торчащий на манер шляпной булавки из седых волос Элизы, которые выглядели так, словно кто-то плюхнул ей на голову только что взбитый зефирный крем. Элиза носила мятый кафтан сине-серого цвета и очки, будто сплетённые из ржавой медной проволоки. На её пальце тускло поблескивал напёрсток, пока она носилась по всему магазинчику, как за-

гнанный эльф.

– О! Так последняя партия ткани из фабрики Хеллиган была для вас, миссис Хериссон, – сообщила Элиза и постучала себя пальцем по лбу. – Как глупо с моей стороны. Тысяча извинений. Три рулона, я правильно понимаю?

Бабушка кивнула.

– Но давайте проверим на всякий случай. Прошу за мной, дорогая миссис Хериссон. Простите, так неловко...

Опустив голову, Элиза поспешила по коридору. Бабушка и Поппи двинулись следом.

В конце загромождённого товарами магазина находилась простая деревянная дверь. Вяло улыбаясь, Элиза открыла её маленьким ключом.

Поппи нетерпеливо выглянула из-за бабушкиного плеча, но её ждало разочарование. В комнате было много полок, но, за исключением трёх длинных свёртков в углу, она была пуста.

Элиза сощурилась на ярлычки.

– Шесть ярдов усатой ноющей ткани, восемь порченной промытой норки и три вычесанной и вздыбленной чёрной пряжи.

Ткани были упакованы в скромную сероватую бумагу, и Поппи не терпелось их увидеть.

Вернувшись к прилавку, бабушка достала со дна своей сумки кошелёк.

– Наличными или карточкой? – спросила Элиза.

Бабушка протянула ей смятую бумажку, и Элиза напечатала чек. Поппи ещё никогда не слышала, чтобы кассовый аппарат производил столько шума.

Покончив с делами, Элиза бросила на Поппи взгляд хитрых глаз.

– Что это у тебя под рукой, моя печенюшечка?

Поппи лишь тогда поняла, что Элиза обращается к ней.

– Книжка, – ответила она, переступив с ноги на ногу.

Элиза свела вместе кончики пальцев и легонько кивнула бабушке.

– Позволено ли мне будет взглянуть на неё, солнышко?

Поппи не хотела показывать книжку Элизе, но так как формально книжка ей не принадлежала, то неохотно протянула руку.

Сердце Поппи без какой-то явной причины ускорило ход.

Элиза ахнула и выхватила книжку из пальцев Поппи. Её нижняя губа задрожала.

– Это шёлк, – прошипела она. – У *этой* книги переплёт из шёлка. Я уже много лет не видела ничего подобного. Это один из старых хеллиганских шелков.

– Откуда ты знаешь? – спросила бабушка.

У Поппи зачесались руки, когда Элиза провела своими узловатыми пальцами по обложке книжки.

– Нет такой ткани, в которой вплетена история темнее, чем переплетение хеллиганского шёлка. Я чувствую запутанные хитросплетения его нити.

Поппи плотно стиснула зубы. Элиза Кринк была не первой за это утро, кто заинтересовался её книжкой. Вдруг она тоже учует укус?

Элиза сняла очки. Её глаза были круглыми как блюдца. Она взяла Поппи за руку и заставила провести пальцами по обложке.

– Чувствуешь это? Ткань будто дышит в твоей руке, как кожа. Этот шёлк соткали во тьме, далеко от света.

Тогда же Поппи выпал шанс как следует рассмотреть напёрсток Элизы. Оказалось, он не был надет на палец, а держался на зажиме, нацепленном на обрубок пальца.

– Сколько? – спросила Элиза бабушку, закрыв книжку и пододвинув её к себе.

Она громко побарабанила по прилавку. В ней что-то изменилось, будто за последнюю минуту она выросла на пару дюймов.

Поппи постаралась дышать медленно и глубоко. Её сердце несло вперёд со скоростью борзой.

– Мы не собираемся её продавать, – быстро возразила она. – Книга не продаётся.

– Это твоё? – мягко спросила Элиза.

Поппи опять помялась.

– Да.

Её сердце перепрыгнуло через барьер и помчалось дальше.

Элиза резко повернулась к бабушке.

– Миссис Хериссон, я готова предложить целых восемьдесят пять фунтов за эту книгу и бесплатную доставку следующего заказа – учитывая вашу больную ногу и всё такое. Что скажете?

Поппи хотелось сказать мисс Кринк отправляться восво-

яси, но она смолчала. В конце концов, это был её магазин.

Бабушка молча взглянула на Поппи, и та посмотрела в ответ. Бабушкина нога на *самом* деле выглядела опухшей после всей этой ходьбы.

Поппи не верила в телепатию, но в тот момент она не сомневалась, что бабушка знала, о чём она думает.

– Вы слышали мою внучку. Книга не продаётся, – дерзко улыбнулась бабушка и, забрав книжку, отдала её Поппи, которая тут же спрятала книгу в карман.

– Сто пятьдесят фунтов, миссис Хериссон, и бесплатная доставка до конца года. Подумайте о своей бедной ноге!

– Как я сказала, мисс Кринк, – тихо ответила бабушка, – эта книга *не* продаётся. И заверяю вас, моя нога прекрасно себя чувствует и полным ходом идёт на поправку. Более того, мне настолько лучше, что я готова что-нибудь пнуть.

– Но... – начала Элиза.

Позади них раздался кашель. Обернувшись, Поппи увидела пожилую женщину с пустым взглядом. На ней был бежевый костюм, а под мышкой – медная слуховая трубка. С появлением нового клиента к Элизе вернулось её прежнее настроение. Она наклонилась к Поппи.

– На твоём месте я держала бы эту книжку при себе, – слабо улыбаясь, прошептала она. – Или вообще никогда бы с ней не расставалась.

Направляясь к выходу, Поппи чувствовала затылком взгляд мисс Кринк. У девочки волосы на голове зашевели-

лись, и она практически вылетела из магазина.

«Как странно, – подумалось Поппи. – Очень и очень странно».

Четыре

Приготовление книжки

В полшестого Поппи вышла собрать бабушкино постиранное бельё. Оно разительно отличалось от белья обычных бабушек. Здесь не было салфеток, скатертей и больших белых панталон. Её бабушка стирала гусеничные хитины, драконьи хвосты и скафандры.

Если взобраться на тачку, что стояла у сарая, Поппи как раз хватало роста, чтобы сдёргивать с верёвки прищепки. Корзина с бельём очень быстро стала тяжёлой, и тут тачка тоже оказалась весьма кстати. Поппи услышала, как наверху открылось окно.

– Поторопись, милая, – сказала бабушка. – По радио передавали дождь.

Поппи проверила прогноз погоды в приложении в мобильнике и убедилась в правоте бабушки. А ещё Поппи заметила сообщение от папы:

Меня попросили изучить пару проектов и провести несколько встреч, пока я в Канаде. Придётся задержаться. Можешь спросить бабушку: она не будет против, если ты останешься с ней до конца каникул?
*Папа:-**

В животе Поппи, чуть выше пупка, что-то неприятно ёк-

нуло. Почему папа сам не спросит бабушку? Неужели он правда думал, что смайлик в конце сообщения автоматически делает его хорошим родителем?

Она как раз успела завести тележку через заднюю дверь в дом и захлопнуть ее за собой, когда по окнам забарабанили первые капли дождя.

Бабушка помешивала деревянной вязальной спицей сырный соус в большой кастрюле. Подлив немного белого вина, бабушка принялась крошить портновскими ножницами головку чеснока.

– Один раз я забыла помыть ножницы после резки салата и выкроила ими тюдоровское бальное платье, от которого потом несло капустой. Ну, по крайней мере, оно вышло аутентичным.

Поппи замерла.

– Можно я поживу с тобой немного подольше, бабушка?

Бабушка перестала помешивать соус и повернулась к ней.

– Ну разумеется, крошка. Но разве ты не хочешь увидеть папу? Он скоро вернётся домой.

– Он задержится в Канаде, – холодно ответила девочка, доставая бельё из стиральной машины.

Ей не хотелось об этом говорить, и бабушка, похоже, это поняла. Поппи заглянула в почерневшую духовку: бабушка никогда её не чистила, да и не собиралась.

– Ты включила сильный огонь?

– Нет, только чтобы хлеб оставался тёплым. Мне нравит-

ся, когда масло тает маленькими лужицами. А что?

Поппи порылась в сумке и достала шёлковую книжечку. Бабушка наблюдала, как девочка достаёт из шкафчика под раковиной противень. Положив на него книжку, Поппи приготовилась сунуть его в духовку, в компанию к запечённой рыбке пикше.

– Можно я подержу её в духовке? Совсем недолго? Раз у нас нет фена.

– Где ты взяла эту книгу, Поппи?

Поппи подумала мгновение и рассказала обо всём бабушке. О странной женщине в поезде, подобранном кошельке и книжке в нём, и о словах мальчика в приёмной врача.

– Так чего же мы ждём! – воскликнула бабушка и схватила самодельную прихватку, которая на самом деле была куклой, сшитой из носка. – Вари её, запекай, кипяти и жарь! Давай узнаем, что она скрывает!

Сначала они запекли книжку в фольге. Когда это не сработало, они сняли фольгу и попробовали нагреть книжку в микроволновке. Но и этого оказалось недостаточно, поэтому бабушка сунула книжку в запариватель, который использовала для распянного шёлка, и оставила её там на пару минут.

– Мне думается, что тот мальчик – подлый маленький лжец, – сердито фыркнула бабушка, вытирая со лба пот. – Жаль, я не могу сунуть в запариватель *его*.

С помощью каминных щипцов она достала книжку и бро-

сила её на стол перед Поппи.

– Ничего?

– Ничего, – открыв книжку, огорчённо вздохнула Поппи. Этот вечер вообще оказался полон огорчений.

Они поужинали перед телевизором, используя небольшие подносы, затем бабушка сделала несколько глоточков хереса и уснула. Поппи собрала грязную посуду, вымыла. А ещё накрыла ноги бабушки пледом. Черчилль хотел подняться по лестнице в комнату Поппи, но был для этого слишком мал и скатился кубарем с первой же ступеньки. Поппи налила поросёнку воды в миску и уложила его в корзину рядом с камином.

Поднявшись наконец к себе, она закрыла окно. На Пену налетела буря, и ветер гнал тучи, сминая их в бурлящую чёрную массу. Луна ненадолго выглянула в образовавшийся в грозном буйстве глазок.

Поппи достала из-под подушки последний мамин подарок – коробочку портновских мелков, с помощью которых размечают ткань. Мелки были плоскими, треугольными, разных цветов. Это было не похоже на маму. Очень странно. К коробочке была прикреплена деревянной прищепкой записка. Её содержание нельзя было назвать особенно проникновенным, в ней говорилось о том, чтобы в следующий визит в Пену Поппи взяла с собой эти мелки и помогла бабушке кроить ткани, как когда-то делала мама.

Мама никогда не шила. По крайней мере, портновские

мелки ей точно были не нужны. Она могла пришить пуговицу или поставить заплатку, но бабушкин талант явно перекошил через поколение. Потому что Поппи шила как одержимая. Она даже рюкзак себе сшила – для этого ей понадобились широкий кусок парусины и иголки для работы с кожей.

Поппи начала засыпать. В ушах пульсировала кровь, и девочка повернулась на другой бок.

Ту-дух, ту-дух, ту-дух. Она закрыла глаза. И затем услышала его. Так же громко и отчётливо, как в ту ночь, когда они стояли и ждали выключения подсоединенного к маме аппарата искусственного дыхания.

Ту-дух, ту-дух, ту-дух – стучало мамино сердце.

Один из врачей что-то шепнул папе. Тот молча кивнул и ушёл в угол палаты читать и подписывать какие-то бланки. Затем их подписала бабушка.

«Если мама умерла, – подумала тогда Поппи, – почему её сердце всё ещё бьётся? Её сердце всё ещё живо».

Вскоре маму увезли, и Поппи больше её не видела. То был последний раз. Последнее, что она увидела, было проносящееся мимо неё мамино лицо, всё в синяках, окружённое какими-то трубками. А потом мама навсегда скрылась за больной дверью.

Поппи проснулась в холодном поту и села на кровати.

Ту-дух, ту-дух, ту-дух.

– Всё хорошо, – вслух сказала она. – Это просто ветер.

Так бы сказал папа.

Ту-дух, ту-дух, звяк, клац!

Но тут было явно что-то другое.

Ту-дух! Бам! Дзынь! Звяк!

Сердце Поппи забилося о рёбра. Соскользнув с кровати, она подкралась к окну и выглянула в сад. Ветер качал кусты ежевики, на дорожках блестели лужи. Глаз Поппи уловил что-то белое рядом с сараем.

Снаружи определённо что-то было, что-то ещё кроме ветра. Оно пошевелило длинными бледными руками, и бряцанье возобновилось.

Поппи вспомнила бабушкин наказ не открывать окна ночью. Она проверила задвижку и задёрнула шторы. Даже зная, что бабушка внизу, Поппи почувствовала себя неудобно. Её пальцы запутались в густой паутине, окутывающей подоконник. Одно из бабушкиных правил запрещало протирать подоконники, и поэтому они быстро покрылись клубками шелковистых нитей. Поппи могла оценить красоту паучьего труда, но влезать в плоды этого труда пальцами было удовольствие так себе. А вот мама ежедневно протирала подоконники антибактериальными салфетками.

«Без паники, – подумала Поппи. – Паника ещё никого до добра не доводила».

Она осторожно высвободила руки из паутины и вытерла их о ночную рубашку. Между нитями высунулась лапка одного из обитателей паутины и благодарно помахала.

Поппи услышала, как Черчилль громко хрюкнул во сне со своего места у камина. Может, ему что-то снилось? Бабушка говорила, что свиньи видят сны, точно так же как люди.

Бам! Бам! Бам!

Девочка выглянула из-за двери и посмотрела вниз лестницы. Кто-то барабанил по входной двери. Из-за угла показался Черчилль и начал с подозрением обнюхивать порог. Поппи прислушалась: бабушка, должно быть, спала. После хереса её сон всегда был крепче.

Сердце Поппи закружилось в вальсе.

Стук возобновился. Поппи медленно спустилась по ступенькам, понимая, что дальше игнорировать стук нельзя. Черчилль, возбуждённо дрожа, встал передними копытцами ей на тапочки.

– Кто там? – спросила Поппи.

– Эразмус, – послышался из-за двери голос.

Поппи подхватила Черчилля и крепко прижала к себе.

– Кто? – повторила она.

– Эразмус Толл, – ответил голос.

– Ну, я не знаю никакого Эразмуса Толла, – ответила Поппи голосу. – Так что, пожалуйста, уходите.

– Мы познакомились сегодня.

– Я так не думаю, – возразила Поппи, прокручивая в голове события прошедшего дня.

– Посмотри в щель для почты, – попросил голос.

Поппи секунду подумала. Не обращая внимания на коло-

тящееся сердце, она поставила Черчилля на пол, опустилась коленями на ковёр, приподняла заслонку и выглянула наружу.

В потоках дождя она едва смогла различить мальчика с белыми волосами и бледной кожей, того самого из приёмной врача. Он махал ей, не улыбаясь, насквозь мокрый. Поппи немедленно открыла дверь и впустила его.

– Почему ты не сказал, что это ты? – спросила она.

Черчилль с подозрением рассматривал Эразмуса.

– Я сказал, – поежился он. – Я сказал, что это Эразмус Толл.

– Ну откуда мне было знать, как тебя зовут?!

– Я подумал, что ты могла прочесть моё имя на воротнике рубашки. – Он вывернул воротник.

– Нет! Очевидно, что я не так хороша в совании носа не в своё дело, как ты, – отрезала Поппи, скрестив на груди руки. – А теперь объясни, как ты узнал, где мы живём?!

– Номер дома был написан на бланке, который держала в руке твоя бабушка, когда зашла в кабинет врача.

Поппи ошарашенно на него уставилась. Она ещё никогда не встречала настолько бесцеремонного человека.

– Вообще-то это неприлично – читать то, что для тебя не предназначено, – сказала она.

– А как же рекламные щиты?

– А что с ними?

– Ну, если на щите реклама мужского крема для бритья,

ты же всё равно её читаешь, да? Хотя она для тебя не предназначена.

Поппи знала, что он прав, но ей не хотелось с ним соглашаться.

– Я стараюсь такое не читать.

Эразмус вздрогнул и обхватил себя руками.

– Можно попросить у тебя полотенце? – после секундного колебания спросил он.

– Да, конечно, – спохватилась Поппи, вспомнив о манерах.

Она принесла из котельной чистое полотенце и отвела Эразмуса к кухонной плите.

– Зачем ты пришёл? – спросила она, наливая молоко в ковшик.

Ей настоятельно требовался мощный заряд горячего шоколада.

– Я хотел ещё раз взглянуть на твою книжку, – ответил Эразмус, не сводя с Черчилля задумчивого взгляда. – Почему твоя свинья такая маленькая? Рождественская ветчина из неё выйдет так себе. И, кстати, я тоже не откажусь от горячего шоколада. Сахара больше, чем какао. И скорее тёплый, чем горячий.

Черчилль сидел на своём стульчике у кухонного стола с таким видом, будто знал, что говорят именно о нём. Поппи поставила ковшик на плиту и прижала ладонь к карману халата. Книжка была на месте. Но Поппи не хотелось опять её

кому-то показывать. Книжка принадлежала только ей. Это она её нашла.

– Он мини-пиг, и не думаю, что их можно есть, – объяснила Поппи, решив не говорить о книжке. – Больше, чем сейчас, он уже вряд ли вырастет. И мне кажется, он был последним в помёте, а значит, ещё меньше, чем обычные поросята.

– Я знаю, что значит быть последним в помёте, – отрезал Эразмус. – Можешь уже показать книжку?

– У меня её нет, – солгала Поппи. – Я её продала... одному мужчине. Попроси его.

– Ты её не продала, – сказал Эразмус, рассматривая поилку Черчилля.

– Прошу прощения?

– Она у тебя в кармане, – спокойно заявил Эразмус.

– Как ты узнал? – изумилась Поппи.

– Я многое замечаю.

Поппи медленно достала из кармана книжку и положила на стол. Эразмус без разрешения сел и стал изучать шёлковый переплёт.

– Ты её нагревала?

– Да, – Поппи села напротив него. – Пробовала разные температуры, разные способы нагрева. Ничего не вышло.

Эразмус понюхал книжку и поднес её к глазам, будто она была насекомым, которое он хотел рассмотреть.

– Я всё не мог перестать о ней думать, – сказал он Поппи. – В ней есть что-то особенное.

– Что, по-твоему?

– Нам понадобится иной вид тепла.

– Я же сказала, я нагревала её под паром, запекала, я всё испробовала! – настаивала Поппи.

– Но эта книжка не похожа на обычные книги. Разве ты не видишь?

Поппи понятия не имела, о чём он.

И Эразмус пояснил:

– Бумага ненормально плотная, и я не вижу, где блок соединяется с корешком.

Он был прав.

– Нам понадобится иной вид тепла.

– Ты это уже говорил, – нетерпеливо прошипела Поппи.

Эразмус взял с сушилки венчик для взбивания и положил его себе на плечо, ручкой вперёд, будто держал старую видеокамеру.

– Думаю, тебе пора, – решила Поппи.

Выдернув из-под его руки книжку, она прижала её к груди.

Глаза Эразмуса расширились. Он увидел нечто странное. Встав из-за стола, он обошёл вокруг и остановился рядом с Поппи.

– Что ты делаешь? – отодвинулась она.

Черчилль фыркнул на Эразмуса, как сторожевой пёс. Тот молчал забрал у Поппи книжку, открыл на первой странице и положил на стол. Потерев руки, чтобы они согрелись, он

прижал ладонь к странице.

– Что ты...

– Тс-с! – перебил Эразмус. – Прижми ладонь к другой странице и поддержи там.

Поппи с неохотой послушалась.

– Ничего не происходит, – сказала она.

Эразмус ничего не ответил.

В первое мгновение Поппи решила, что у неё разыгралось воображение. Из-под ладони Эразмуса начала медленно расползаться тонкая чернильная линия. Вскоре страница под ладонью Поппи тоже потемнела. Эразмус жестом попросил Поппи убрать руку и в ту же секунду поднял свою.

Не веря своим глазам, Поппи прочла:

ЩЕПЫ

Взгляд Эразмуса скользил туда-сюда по следующей странице, на которой проявилось что-то вроде стихотворения. Через пару мгновений чернила поблекли и исчезли.

– У тебя есть бумага и ручка? – спросил Эразмус.

Поппи посмотрела по сторонам. Она не могла думать. В голове стоял густой и дрожащий от волнения туман.

– Во втором ящике комода, который стоит в коридоре, есть ручки. Он был приоткрыт, – проинструктировал Поппи Эразмус. – На книжной полке лежала бумага. Я увидел, когда зашёл.

Поппи принесла ручку и бумагу. Пока она снимала с плиты булькающий ковшик и залила густым молоком щедрые

порции какао-порошка и сахара, Эразмус записал по памяти стихотворение.

– Как ты так быстро всё запомнил? – спросила Поппи.

– Я запоминаю не так, как остальные люди. Наш врач называет это фотографической памятью. Но это не совсем так.

– В каком смысле?

Она добавила в кружку Эразмуса холодного молока и двумя пальцами подтолкнула по столу к мальчику.

Эразмус закончил записывать, и Черчилль запрыгнул к нему на колени.

– Это не моментальный снимок, как в фотоаппарате. Я просто даю всему код в своей голове и придумываю историю.

– Я всё равно не понимаю, как ты это делаешь, – пробормотала Поппи.

Эразмус нетерпеливо вздохнул.

– Рядом с раковиной стоит кулинарная книга.

Поппи кивнула.

– На задней стороне обложки есть штрих-код – 978147495660.

К этому моменту Поппи уже поняла, что проще поверить ему на слово.

– *Девять обезьянок без семи минут восемь зашли в поезд у четырнадцатой платформы. Семь обезьянок сели в четвертый вагон, а остальные в девятый. К ним подъехала торговая тележка с пятью пакетами хрустящего картофеля, шестью бутылками колы и шестью соломинками. Когда она*

отъехала, на ней не было *ничего*. 978147495660.

– Это... познавательно! – оценила Поппи.

– Это история о девяти обезьянках, – сказал Эразмус. – Хочешь прочесть, что было написано в книжке?

Он отдал ей лист бумаги, и Поппи прочла вслух:

Не смотри наверх и вкруг,
Ночью крепко спи.
Запирай щеколды, друг,
Плед свой подоткни.

Проверь, чтоб он натянут был
И закрывал твой рот,
Иначе отгрызут язык
И пальцы рук и ног.

Чепчик ты себе найди,
На ночь надевай.
Или быть кудрям седым,
Скажешь им «Прощай».

Летят они на фоне звёзд
В корзине для белья,
И если сядут на твой хвост,
Судьба предрешена.

Вдруг захочешь ты сыграть
В их игру, тогда
Окна настежь ты оставь,

Впустишь их сюда.

Но если мудр – сахар прячь,
Держи сны при себе.
Следи за небом, помолясь,
Иначе быть беде.

– Кто такие Щеппы? – дрогнувшим голосом спросила Поппи, но Эразмус помотал головой.

Что-то в стихотворении – Поппи не смогла бы указать пальцем, что именно – заставило её подумать о Вилме Норблс, девочке, исчезнувшей в реке. Что если в Пене случались и другие, похожие на эту, истории?

Черчилль успел к этому моменту заснуть, на плите затухали последние искры, а в голове Поппи проклюнулись первые ростки беспокойства из-за книжки.

Город сотрясала буря, в воздухе безудержно перекатывался гром. Если бы вы были примерно одного роста с Поппи и встали на тачку в саду её бабушки, то увидели бы проплывший на фоне луны рваный силуэт. Он опустился на несколько мгновений, затем вновь воспарил и исчез среди низких чёрных туч, сгустившихся над старой фабрикой Хеллиган.

Пять

Мини-пиг

Поппи разрешила Эразмусу взять с собой книжку. Похоже, его совершенно не смущала идея идти домой одному посреди грозы.

Она одолжила мальчику один из дождевиков, что бабушка хранила в коридоре, но дождевик оказался слишком большим. Судя по напечатанным на нём гигантским фиалкам, он был женским, но Эразмуса это не смутило. Глядя, как он, закутанный в фиалки, исчезает в ночи, Поппи ощутила в груди странную печаль. Девочка стояла на пороге, и все её мысли были только о книжке.

«Скоро ты снова её увидишь. Скоро она снова будет у тебя».

Бабушка встала рано и приготовила им Завтрак Королев, состоящий из начинённых анчоусами круассанов и крепкого чёрного кофе. Бабушка рассказала, что когда они с её давней подругой Далией Тёрс работали в лондонском ателье, то ели круассаны каждое утро и разгадывали напечатанные в газете кроссворды. Поппи любила кофе – она выросла на нём, – но анчоусы были одним из её давнишних врагов, поэтому она ограничилась круассаном.

Перед тем, как выйти из дома, она включила звук на теле-

фоне: папа обещал сегодня позвонить. Поппи поймала себя на том, что уже дважды проверила громкость и список звонков. Вдруг он уже звонил, а она каким-то образом не услышала?

Они с бабушкой шли по оживлённой главной улице под всё таким же серым небом, хотя буря давно закончилась. Черчилль на серебристом поводке трусил впереди: он успел отточить умение ловко лавировать между мамами, нагруженными покупками и болтающими на тротуарах.

Была суббота, рыночный день. Многие магазины сегодня не работали, и их окна были закрыты алюминиевыми жалюзи. Перед ними по обеим сторонам улицы стояли прилавки со всякой всячиной, начиная с джемов и заканчивая ненужной ерундой. Между ними бесцельно сновали стайки детей, два мальчика рисовали зелёным мелом на потрескавшемся асфальте какое-то чудовище.

Дама со стеклянным взглядом и в бежевом костюме, повстречавшаяся бабушке и Поппи в магазине тканей, остановилась и провела длинными пальцами по спине Черчилля.

– Какой миленький поросёнок! – басовито воскликнула она и окинула Поппи взглядом.

– Это мини-пиг, – сказала Поппи.

– ЧТО? – громко спросила дама и, выхватив из сумочки слуховую трубку, приставила её к уху.

Черчилль заволновался и потянул за поводок.

– *Ми-ни-ниг*, – по слогам повторила Поппи в трубку, пахнущую чистящим средством для медных изделий.

– Так я понимаю, что пока ещё не оглохла, – шепнула бабушка Поппи, когда они пошли дальше. – Это была миссис Гвинн из книжного магазина. Попросишь у неё «В погоне за любовью», а она протянет тебе «Застрелить голубя».

– Ах! – взвизгнула миссис Гвинн, в ужасе отпрыгнув в сторону от нарисованного на тротуаре монстра.

Горе-художники хихикали в рукава, наблюдая, как она осторожно обходит монстра.

Бабушка захотела зайти в кондитерскую, чтобы запастись «парочкой» творений Бонхильды Бонхоффер на неделю. По-

Поппи осталась ждать её снаружи с Черчиллем, не желая даже представлять, что было бы, если бы они зашли с ним внутрь. Она заглянула в окно, но едва смогла различить полки за набившейся в кондитерскую ватагой весело галдящих детей. Мисс Бонхоффер взвешивала на весах гору малиново-шербетной шелухи для страшно довольного собой создания в бейсболке.

Широкоплечая девочка с волосами цвета горчичного порошка и хищными зубами незаметно сунула в задний карман пару рожков с заварным кремом. Поппи было очевидно, что она не собиралась за них платить. Внезапно девочка подняла глаза и поймала взгляд Поппи. Она сощурилась, а затем холодно улыбнулась и убрала к рожкам ещё и трубочку «марсифира», марсианского зефира, который на самом деле представлял собой обычный взбитый зефирный крем, только зелёного цвета.

Поппи поискала глазами бабушку в надежде, что та всё видела, но бабушка уже успела наполнить тележку до краёв разными вкусностями и – хитрая лиса! – в несколько ловких движений оказалась в начале очереди к кассе.

Размышляя, должна ли она сообщить кому-то о краже или нет, Поппи посмотрела через улицу. У книжного магазина напротив тоже выстроилась цепочка из детей, возбуждённо считающих деньги и тянущих шеи, чтобы заглянуть внутрь. Там, где она жила, дети так не делали: они всё заказывали по интернету. Рядом, но чуть в стороне от них стоял Эразмус

и с любопытством рассматривал витрину. Под мышкой он держал шёлковую книжку Поппи и блокнот. Из-за уха торчал карандаш.

Поппи перешла дорогу.

– Бу!

Эразмус даже не повернулся, но тихо сказал:

– С этой книгой что-то не так.

– С моей книгой? – спросила Поппи и просительно вытянула перед собой руку.

– Ты сказала, что она не твоя. И нет. С *этой* книгой, – уточнил он, одной рукой отдавая ей книжку, а другой указав в окно.

Поппи нетерпеливо сунула книжку в карман. Как же он зациклен на деталях!

В витрине высилась гора книг с обложками фиолетового цвета, на которых рельефными серебряными буквами было написано:

БЕССЛЕДНО

УБРЕК ДЮЭРН

– Что с ней не так? – спросила Поппи.

– Это единственный магазин, где она продаётся, – ответил Эразмус. – Так написано на плакате.

Поппи не думала, что это так уж странно. Она сжала кончиками пальцев шёлковую обложку книжки в своём кармане.

– Про что книга?

– Про мальчика, обладающего способностью бегать со скоростью света. Все эти дети стоят в очереди, чтобы купить эту книгу.

– Ты её читал?

– Нет, но я прочёл текст на плакате. Главный злодей – это маг, гипнотизирующий людей с помощью зачарованных клавиш.

– Чушь какая-то.

Черчилль встал на задние ножки, отчаянно желая увидеть, что в витрине, и обнюхал уголок рекламного постера:

СКОРО В ПРОДАЖЕ...

ГЛАЗА БУКАШЕК

ДЭВИ СПОНК

Как одна девочка отправилась на поиски жука-невидимки!

– Я всю ночь провёл за переписыванием стихотворения из твоей книжки в Верна и изучением каждой строчки. – Эразмус протянул ей толстую кожаную папку. – Все остальные страницы в ней пусты. Что, если подумать, страннее всего.

– Верн?

– Жюль Верн.

– А! Нет ничего притягательнее бездны! – улыбнулась Поппи, на один восхитительный миг ощутив себя страшно умной.

– Какой смысл цитировать кого-то, если не приводить оригинальные слова? Это уже перефразирование получается. И я называю свою папку «Верном», потому что это мой Журнал Улик. Ж-ул. Жюль. Жюль Верн. А если переставить буквы в слове «Верн», то получится «нерв».

Поппи открыла было рот, собираясь что-то сказать, но всё же молча закрыла.

Эразмус внезапно выдернул у неё из рук свой журнал.

– Я хочу тебе кое-что показать. В Загадочном лесу. Ты должна это увидеть.

Не дождавшись реакции Поппи, он присел рядом с Черчиллем и принялся чесать ему живот. Мини-пиг повалился на спину, копыта в воздух, и закрыл глаза, будто ему делали массаж глубоких тканей.

Поппи засмеялась.

– Я только предупрежу бабушку, куда мы идём.

Бабушка была рада услышать, что Поппи завела друга, поэтому сказала лишь:

– У тебя же телефон с собой? Не задерживайся допоздна, ладно? Мне понадобится твоя помощь, чтобы снять всё бельё до шести.

Поппи, Эразмус и Черчилль пошли назад по главной улице в сторону церкви и кладбища при ней. Бабушка проводила их взглядом.

– Она ходит прямо как её мама когда-то, – сказала она сама себе. – Всегда целеустремлённо, в погоне за ветром.

Эразмус провёл их через погост и луг. Вскоре ребята достигли окраины города, где над дикими кустарниками сплетались ветвями деревья.

Они пошли дальше в лес по не нанесённой на карту тропе, тянущейся вдоль реки.

Черчилль чувствовал себя здесь как дома. Бабушка редко выводила его погулять на природу («Больная нога и всё такое»), и теперь он без остановки носился туда-сюда и принюхивался к поганкам и мху. Поппи разделяла его восторг: она радовалась возможности потоптаться по грязи. Зато Эразмус шагал очень осторожно, и когда они вышли на поляну, его шнурки остались завязанными, а на туфлях не появилось и пятнышка.

– Это произошло здесь, – подумал вслух Эразмус, поднимая какую-то ветку.

– Что произошло? – спросила Поппи.

– Здесь шесть месяцев назад полиция нашла Вэнди Покс. В желудке Поппи что-то ёкнуло.

– Мёртвой? – спросила она, вытерев со щеки засохшую грязь.

Её сердце забилося, будто его прошил электрический ток.

– Лысой.

– Лысой?

– Лысой как коленка, – сказал Эразмус. – А раньше у неё были длинные чёрные волосы. Она училась в одной школе со мной.

– Что с ней случилось?

– Никто не знает, она ничего толком не могла объяснить.

– Полиция обнаружила что-нибудь... ну, знаешь, странное? – спросила Поппи, наблюдая за бродящим у кромки воды Черчиллем.

В этом месте через реку был перекинут деревянный мост, но с момента его установки русло расширилось, и он наполовину скрылся под водой.

– В газете было написано, что на её руках нашли следы от укусов насекомых, но это, скорее всего, потому, что она бывала в лесу летом.

Поппи опустилась на колени и изучила растущий под деревом огромный гриб.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Ты не понимаешь?

Поппи вопросительно на него посмотрела.

– Ты не помнишь, что было в том стихотворении из книжки? Про Щеппов?

– Не дословно, – ответила Поппи. – Моя память не настолько хороша, как твоя.

– Очевидно, – согласился Эразмус.

– Грубить необязательно.

– О, – пробормотал Эразмус. – Я не хотел грубить. Просто это очевидно, что моя память исключительна, а твоя... ну... не очень.

– Это ужасное извинение.

Эразмус расстроено нахмурился. Взяв у Поппи свой блокнот, он открыл его на странице со стихотворением.

– Третье четверостишие: «Чепчик ты себе найди, на ночь надевай».

– «Или быть кудрям седым, – продолжила Поппи, – скажешь им прощай».

– Случившееся с Вэнди Покс имеет какое-то отношение к этим Щеппам из твоей книжки. Это не может быть совпадением, – мрачно заявил Эразмус.

Поппи откуда-то знала, что он прав, и ей стало не по себе. Что, если в исчезновении Вилмы Норблс тоже были виноваты эти Щеппы? И в исчезновениях всех других детей, упомянутых бабушкой?

– И что ты собираешься делать? – спросила Поппи.

Эразмус достал из кармана книгу о шифрах и криптограммах, которую читал в приёмной врача.

– У всего есть система, и каждая загадка имеет отгадку. Не существует такого кода, который нельзя взломать. Иначе это уже был бы не код. Так что я собираюсь расшифровать это стихотворение и узнать, что именно происходит и почему.

Поппи задумалась.

– Ты дружил с этой Вэнди Покс или как?

– Даже близко нет, – фыркнул Эразмус.

– Что ж, это очень мило с твоей стороны, что ты хочешь узнать, что с ней произошло, но я не понимаю, зачем тебе это.

– Я люблю загадки. Мне нравятся задачи, которые занимают и будоражат мой мозг.

– А я люблю детективы – ну, знаешь, Агату Кристи, Честертон и прочих в этом духе, – осторожно призналась Поппи. Не самое глубокомысленное заявление, но ей показалось важным сказать что-то значимое.

– Ну, в реальной жизни ты не можешь приступить к следующей главе и надеяться, что всё образуется, – тихо заметил Эразмус. – Остаётся лишь уповать на то, что эта страница для тебя окажется не последней.

Черчилль громко захрюкал.

– Что такое, Черчилль? – ласково спросила Поппи, подходя к нему.

– Он тебе не ответит. Он мини-пиг.

– Он что-то нашёл! – воскликнула Поппи, опускаясь на колени в грязь у кромки воды.

– Трюфель или ещё что-то? Я как-то видел, как в нашем гастрономе, «У Робеспьеров», купили трюфель за девяносто два фунта. Мама хотела устроиться туда на работу.

Эразмус присел на корточки рядом с Поппи. На земле и даже на поверхности воды поблескивало что-то синее, какой-то порошок. Мальчик достал из кармана пустой спи-

чечный коробок и с помощью листика ловко загрёб внутрь немного таинственного порошка.

Кто-то наблюдал за ними из леса, из-за корней самых высоких деревьев, пока ребята шли назад в город.

– Оно думает! Мальчишеское оно думает! – зашептал один из наблюдателей голосом, что был понятен лишь червям и насекомым. – Оно думает, замышляет, просчитывает и интригует! Оно вполонину слишком умно!

– И девчоночье оно, – подхватил второй наблюдатель. – Книжка всё ещё у девчоночьего оно. Книжка, которая говорит. Книжка, которая приведёт к себе.

– Следите за ними в оба, – сказал третий голос. – Скоро мы полакомимся их сладкими сердцами.

Шесть

Статья

На следующий день, то есть в воскресенье, бабушка во время обеда спросила Поппи:

– Что это у тебя в волосах, милая?

У них на обед был сыр и кусочки хлеба, которые они отрывали прямо от буханки.

Поппи коснулась затылка.

– А, это тот гребень, я нашла его среди твоих пуговиц.

– Нет, – пробормотала бабушка и заставила её повернуться спиной, – там что-то ещё.

Бабушка вынула из волос Поппи гребень и положила его на стол рядом со своей десертной вилкой.

– Свет божий, да ты седеешь! – вскрикнула она.

– Что?

– Твои волосы! – не унималась бабушка. – Они побелели!

– Все?! – испугалась Поппи и бросилась к зеркалу.

– Нет, только в одном месте, – сказала бабушка. – Но ты стареешь быстрее меня! Хочешь, я тебя покрашу? Только не говори ма...

Она осеклась и вернулась к выкройке из усатой ноющей ткани потрясающего грейпфрутово-розового цвета.

Поппи знала, что хотела сказать бабушка. Она тоже ино-

гда забывалась. Перед летними каникулами она получила самый высокий балл за тест по немецкому языку и, сев в автобус, написала маме сообщение. Поппи любила немецкий. У мамы была небольшая коллекция старых немецких книг, оставшихся со времён её учёбы в университете. Лишь когда на экране появились слова, что сообщение отправлено, Поппи опомнилась.

И почувствовала себя глупо.

Бабушка была *права*. У неё на затылке, там, где крепился гребень, появилось белое пятно. Поппи это очень не понравилось. Она вспомнила бабушкины истории о Пене. Что, если это был своего рода знак, предвещающий её скорое исчезновение? Она убрала гребень в шкатулку и надёжно заперла. Но перед этим заметила нечто любопытное. Зубья гребня слегка изменили цвет, будто их окунули в светло-серую краску.

Поппи сунула шкатулку с гребнем в дальний угол комода и прикрыла его найденным за шкафом оранжево-коричнево-жёлтым джемпером.

– С глаз долой, из сердца вон, – прошептала она себе под нос.

Но Поппи понимала, что это не поможет. Она наверняка

будет весь день только об этом и думать.

В углу бабушкиной мастерской-гостиной стоял допотопный компьютер, на котором она раз в две-три недели проверяла почту. Её визитка предупреждала, что для связи с ней существуют только два способа: писать на домашний адрес или звонить. В понимании бабушки, планшеты были нужны для рисования, а не чтобы смотреть любимые сериалы в общественном транспорте.

– О! – воскликнула бабушка. – Твой папа прислал письмо. Может, свои фотографии в тошнотворной лайкре.

Поппи в этот момент на кухне мыла посуду после обеда. Папа не звонил всю неделю. Он знал, что бабушка крайне редко проверяет электронную почту. Почему он просто не позвонил? Когда мама была жива, он никогда не был так холоден. Он бы постоянно звонил. Прислал бы Поппи фотографию белки, пытающейся прокатиться на его велосипеде, или ещё что-нибудь в этом духе.

– Куда я могла нажать, что теперь мой компьютер пишет всё на этом проклятом французском?

Поппи сделала себе мысленную пометку показать бабушке языковые настройки.

– О, – пробормотала бабушка с куда более озабоченной

интонацией. – О, Поппи, он вернётся лишь через *два месяца*... что-то по работе, по всей видимости. И это ещё не всё.

– Что ещё?

– Он хочет, чтобы ты пошла в новую школу... здесь.

Поппи фыркнула, что означало ироничное: «Какая *неожиданность!*»

– Но я и так уже учусь в школе. Там все мои друзья.

Бабушка дочитала письмо.

– Пишет, что новая четверть в твоей школе начнётся раньше, чем он вернётся из Канады, и не хочет, чтобы ты пропускала. – Она добавила шёпотом, должно быть, уверенная, что Поппи её не услышит: – Бестолковый олух...

Поппи не нравилось, когда папа и бабушка ссорились. Бабушка обычно заявляла: «Ты безмозглый кретин, которому нужно включить голову и хорошенько подумать над своими методами воспитания!»

А папа в ответ кричал: «Забавно слышать подобный совет от женщины, чья дочь навещала её лишь раз в два года!»

Поппи никогда не занимала ничью сторону, потому что, как бы это ни ужасно, они оба были правы. Папа отдалился от дочери после смерти мамы, а та почти никогда не навещала бабушку. Мама не любила Пену.

Зазвонил телефон.

– Бабушка?

– Поппи?

– Телефон звонит.

– Да, я знаю.

– Мне ответить?

– Только если тебе не трудно. Не перетруждайся.

Поппи вытерла руки об одно из сувенирных кухонных полотенец бабушки и взяла трубку стоящего в коридоре телефона.

– Поппи слушает.

– Звонит Эразмус Толл. Это та самая Поппи, у которой белое пятно в волосах и уродский джемпер?

– Откуда, скажи на милость, у тебя этот номер? Его даже нет в справочнике. И почему ты ничего не сказал о пятне, когда его увидел? Мне ещё слишком рано сесть!

– Во-первых, у меня *самого* белые волосы, а номер был написан...

– На врачебном бланке, конечно же, – перебила его Поппи, улыбнувшись. – Какая я глупая. Ты узнал что-то насчёт Щеппов или про стихотворение?

– Я достал вырезку из библиотечного архива. Думаю, тебе стоит её прочесть.

– О чём она?

– О пианисте.

– О пианисте?

– Я именно так и сказал. Зачем повторять?

– Может, просто прочтёшь её мне или – даже лучше – перескажешь?

– Тут ещё есть фотография.

– Тогда пришли её мне на мыло.

– Мне нельзя пользоваться интернетом. Мама говорит, что он делает меня агрессивным.

Поппи невольно сделала шаг назад.

– Почему он делает тебя агрессивным? Мне что, следует выключать телефон при каждой нашей встрече?

– Потому что с помощью интернета можно делать столько важных вещей, но люди почему-то используют его, только чтобы смотреть на фотографии кошек в чепчиках или поливать других грязью. И, уверен, ты согласишься, ничто на свете не выводит из себя сильнее, чем чужое мнение о тебе.

– А что твой папа насчёт этого думает?

– Ничего. Он мёртв.

– О, – тихо сказала Поппи. – Мне жаль.

– Почему тебе жаль?

– Люди говорят так, когда им хочется чем-то помочь... но они не могут.

Эразмус помолчал, но всего секунду. Это было странно. Он много говорил, но Поппи лучше всего понимала его, когда он молчал.

– Я думаю, нам следует встретиться у церкви через час одиннадцать минут. Мне нужно посвятить тебя в расследование.

– Для чего эти дополнительные одиннадцать минут? – спросила Поппи, проигнорировав его слова о расследовании.

– Я собираюсь пятьдесят минут изучать старые газеты в библиотеке. В моей обуви для ходьбы у меня уходит десять минут, чтобы дойти от дома до библиотеки, и одиннадцать, чтобы дойти от библиотеки до церкви.

Поппи на мгновение задумалась. Никто младше пятидесяти не говорил «обувь для ходьбы».

– Я буду ждать тебя через час и *пять* минут.

– Мне потребуется одиннадцать, – настаивал Эразмус.

– Так переключись на вторую передачу и надень обувь для бега.

Вокруг могильных плит на погосте лежали кучи неровно смятых банок из-под пива и стеклянных осколков. Между участками можно было разглядеть остатки никогда не стриженного газона, заросшего сорной травой и бледными, будто шелковыми цветочками. Поппи достала мобильник и прислонилась к ограде. Открыв браузер, она набрала в строке поиска: «Убрек Дюэрн, писатель, Бесследно, книга».

Ничего. Она нахмурилась и прокрутила страницу с результатами поиска, но не нашла ничего подходящего. То же самое получилось, когда она переставила слова и добавила фразы вроде «книга для детей» и «новинка».

Эразмус прибежал парой минут позже, с раскрасневшим-

ся лицом и едва переводя дыхание. Поппи была занята тем, что разминала руки. Первое, что он сказал, было:

– Не люблю бегать.

– Бег полезен для души, – отозвалась Поппи. – Статья у тебя?

– Да, – пропыхтел Эразмус.

Встав на одну ногу, он вытянул из левого носка сложенный лист бумаги.

– А ты не мог положить его в карман?

– Я не хотел рисковать.

– Чем рисковать?

– Нашим расследованием.

Поппи насмешливо фыркнула и, морща нос, развернула кончиками пальцев лист. Как и говорил Эразмус, это оказалась статья о пианисте, но совсем не такая, как Поппи ожидала.

16 марта

Музыкальное общество Северной Загадочной улицы глубоко скорбит об утрате одной из главных своих звёзд. Эндрю Букер был бесценным участником нашей концертной команды, и нам будет ужасно не хватать его исключительного владения столькими инструментами. Мы с огромным удовольствием следили за крещендо его музыкального таланта и наслаждались его форте фортепиано. «Без него наши фортепианные концерты будут уже совсем не те», – говорит миссис Хэтти Гвинн, председатель Музыкального общества.

– Ещё миссис Хэтти Гвинн заведует книжным магазином. Она глуха на одно ухо. Это есть в моих записях.

Поппи помнила миссис Гвинн – ту самую даму со слуховой трубкой, остановившуюся, чтобы погладить Черчилля.

– Прочти то, что ниже, – указал Эразмус, и Поппи опустила взгляд на следующую статью.

МАТЬ УМОЛЯЕТ ПОМОЧЬ ЕЁ ПРОПАВШЕМУ СЫНУ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

Суббота, 15 марта

Мать пропавшего мальчика Эндрю Букера обращается за помощью ко всем, кому что-то известно о местонахождении её сына. «Мы просто хотим, чтобы наш Эндрю вернулся домой, – говорит Элейн Букер. – В такие моменты ты жалеешь, что не разрешал своему ребёнку заниматься тем, что ему нравится. Наш Эндрю всегда мечтал стать чемпионом в спринте. Усадить его за фортепиано играть гаммы было целым испытанием».

Эндрю исчез из своего дома в двух милях к западу от Пены вчера, между 23:00 и 23:45. «Его будто выдернули из кровати, – говорит детектив инспектор Грейвс. – Нет следов борьбы или свидетельств, что Эндрю убежал сам. Единственная улика – это найденный на подушке Эндрю мелкий синий порошок.

Поппи встревоженно взглянула на Эразмуса. Вдруг это был тот же самый порошок, который они нашли в лесу? Не то чтобы синий порошок встречался повсеместно.

В ближайшие дни наши криминалисты исследуют

его и сделают вывод, находился ли Эндрю под воздействием каких-либо веществ».

Призываем всех, обладающих какой-либо информацией об исчезновении Эндрю Букера, позвонить на нашу «горячую линию» о пропавших людях. У Эндрю чёрные волосы, голубые глаза, его рост – 155 см (5 футов).

– Я думаю, исчезновения Эндрю Букера и Вэнди Покс...

– Лысой девочки? – перебила Поппи.

– Да. Её. Я думаю, их исчезновения связаны, несмотря на

то что между ними прошло четыре года.

– Как? Вэнди Покс не пропала бесследно, как Эндрю Букер! – напомнила Поппи, желая в первую очередь убедить саму себя. – Ты же сам говорил, что она нашлась.

– Не в этом дело. И да, ты права, *но* оба исчезновения случились между одиннадцатью вечера и полуночью, в пятницу.

– Известно, как Вэнди Покс оказалась в лесу? Она и так там была? Или её... ну, знаешь, отвели туда?

Эразмус помотал головой и сделал пометку это выяснить.

Что-то ещё не давало покоя Поппи...

– Тебе не кажется, что эти две статьи про Эндрю в одной и той же газете вместе выглядят... как бы это сказать... не деликатно?

– Мне кажется, это очень странно.

– В одной мама умоляет сына вернуться домой, а в другой Музыкальное общество откровенно с ним прощается.

Эразмус резко встал и заглянул за плечо Поппи.

– Что такое? – спросила она.

Мальчик схватил её за запястье и завёл себе за спину.

– Ну хватит! – возмутилась Поппи, выдирая руку.

– Тихо! – прошипел Эразмус, и она неохотно послушалась.

И Поппи слышала голоса. Тихие голоса, доносящиеся из-за угла церкви. Эразмус присел за живой оградой и настойчиво потянул Поппи за кофту, чтобы девочка последовала его примеру. Она опустилась рядом с ним на колени.

– Что они...

Эразмус закрыл ей рот ладонью.

– Спасибо тебе большое, Саймон, – донёсся женский голос.

Поппи посмотрела в просвет между листьями. Оказалось, что говорила женщина-викарий. Она придерживала открытой дверь в церковный зал. Её белый воротничок слегка перекосило, на лицо падали выбившиеся из причёски пряди волос. Она убрала их за уши.

– Да не за что, Сью, – пробормотал подошедший к двери раздражённый мужчина с шелушащейся кожей. – Этой старушке нужно немного внимания и заботы. – Он кивнул на неаккуратно подлатанную черепицу на шпиле над ними и насквозь проржавевший водосточный желоб.

– Ну, – вздохнула Сью, – я всё ещё пытаюсь внести её в список памятников архитектуры, так мы сможем добиться

дополнительного финансирования и сделать ремонт, но этот город не настолько стар и интересен. Я уже не помню, когда сюда кто-то переезжал. Я занимаюсь никому не нужным делом в никому не нужном городе.

Саймон оглянулся себе за спину.

– Шевелись!

К нему подошла маленькая девочка в шапке и дернула за рукав.

– *Это она!* – беззвучно сказал Эразмус Поппи.

– *Кто?*

– Вэнди, ещё раз так сделаешь, и я точно взорвусь! – гаркнул Саймон на девочку и почесал сухую кожу на локте.

Поппи замерла. Это была Вэнди Покс.

– Отведи её внутрь, – поспешила предложить викарий. – Хочешь пить? Я заварю чаю.

– Давай, – вздохнул Саймон, закрывая за собой парадную дверь церкви.

Поппи повернулась к Эразмусу, но он уже стоял на обломках каменной кладки и без малейшего стеснения подсматривал в щель между шторами в окно церковного зала. Поппи на четвереньках подобралась к нему, переставляя руки и ноги в такт колотящемуся сердцу.

Эразмус прижал палец к губам, не дав ей озвучить своё негодование.

– Да, – они услышали, как вздохнула викарий. – У моего Уильяма волосы такого же цвета.

Поппи прижалась к стене и, затаив дыхание, тоже заглянула внутрь.

Девочка в шапке сидела на стуле рядом с отцом. Её ноги не доставали до пола, но она ими не болтала. Викарий с тревогой всматривалась в глаза девочки.

– Когда это началось? – спросил Саймон, отпивая чай. Губы у него тоже были сухими.

– Две недели назад. – Викарий упала в офисное кресло и стянула воротничок. – Началось всё с глаз. Он постоянно жаловался, что они зудят. Затем они покраснели, и у него начались проблемы с речью. Я не сразу заметила, что цвет его глаз потускнел. Я просто думала, что они не блестят, как обычно. Затем где-то три дня назад я наконец увидела, что они сереют, становятся светлыми, как волосы его отца.

«Её глаза, – подумала Поппи, – с её глазами что-то не так».

И она была права. Глаза маленькой девочки были серыми, как камни.

У Поппи кровь похолодела в жилах. Почему девочка ничего не говорила?

– Уильям! – ласково позвала викарий. – Можешь подойти, милый?

Секунду всё было тихо. Затем дверь в углу со скрипом отворилась, и в комнату зашёл Уильям.

Сердце Поппи сжалось. Волосы Уильяма были словно в пятнах, а глаза напоминали два маленьких куриных яйца.

Увиденное заставило Саймона занервничать.

– Почему тогда *другие* дети в порядке? – спросил он, почесывая шею.

Сью заговорщически к нему наклонилась.

– Знаешь Беверли Дарт? Бев Дарт?

Саймон помотал головой.

– Такая низкая дама с кудрявыми волосами, всегда сидит в конце зала с двумя сыновьями, Тимом и Арчи.

– Ты же знаешь, я не хожу в церковь, Сью, – пробормотал Саймон.

– Точно, – извиняющимся тоном сказала викарий. – Разумеется. В общем, на прошлой неделе она внезапно подошла после службы и спросила, как Уильям. Я никому ничего не рассказывала, но мы с ней часто разговариваем. Короче говоря, она сказала, что уже пару недель водит Арчи на речевую терапию, потому что он стал испытывать в школе трудности с произнесением отдельных слов. Но занятия не помогли, и ему становится только хуже.

– Думаешь, что-то в воде? – спросил Саймон.

– Ну, точно не какое-нибудь насекомое в доме, – ответила она. – У меня дома идеальная чистота. Я ежедневно обеззараживаю все поверхности, ты нигде у меня ни паутинки не найдёшь. Каждое утро прохожусь тряпкой по всем подоконникам и выступам.

«Бабушка бы этого не потерпела, – подумала Поппи. – Одно из её правил гласит: никогда не протирай подоконники».

Саймон опять почесал локоть. Девочка отвернулась к ок-

ну.

Её кожа была цвета белой комнаты в морозный день, будто из неё что-то высосали. Вилма Норблс – о ней рассказывала бабушка – растворилась. Происходило ли с ней тоже самое?

Поппи посмотрела на Эразмуса, тот мотнул головой, дав понять, что им пора.

Пока они шли назад по погосту, Поппи никак не могла отделаться от гнетущего чувства. Возможно, у мамы *была* причина, почему она не хотела возвращаться в Пену. Казалось, что-то чуждое плыло по воздуху, над деревьями, струилось по здешним сонным улочкам. Сердце Поппи стучало с непривычным любопытством. Несмотря на все страхи, ей хотелось узнать, что происходит и что за странности тут творятся.

Семь

Марли

– Как ты думаешь, все эти странности, что случились с Вэнди Покс и тем пианистом, происходят уже давно? – спросила Поппи на следующий день, когда они свернули влево в конце улицы Старая Пенная.

Поппи всё утро искала в интернете упоминания о детях, о которых рассказывали бабушка и Эразмус, но бабушкин компьютер так долго загружал результаты, что ей пришлось воспользоваться телефоном. Поиск выдал лишь одну статью с выдержками из местной газеты, но на сайте с архивным списком пропавших без вести Поппи нашла страничку Минти Тогс, исчезнувшей в Пене в 1960 году. Поппи показалось это странным. Почему никто не расследовал такое необычно большое для одной местности количество исчезновений? Должен же был кто-то заметить странности?

– Ну, именно это нам и предстоит выяснить, – серьёзно ответил Эразмус и, достав из ранца видеокамеру, протёр линзы.

В два часа дня он объявился без предупреждения перед входной дверью бабушкиного дома со штативом за плечом. Он показал Поппи карту Пены с отметками у мест, где случались загадочные происшествия, и, после того как бабуш-

ка накормила его обедом, заявил, что Поппи должна пойти с ним в библиотеку.

Поппи прикусила язык, затем спросила:

– А что, по-твоему, происходит с ними *после*?

– Если все происшествия в Пене и Загадочном лесу, о которых я читал, связаны, – ответил Эразмус, – то итог разнится. Некоторые из детей состарились быстрее их дедушек и бабушек и очень рано умерли. Другие, как я понимаю, исчезли практически мгновенно.

– Исчезли?

– В одной статье из библиотечного архива было написано о ребёнке, которого родители оставили без внимания в парке всего на пару секунд, а когда отправились его искать, то нашли лишь кучку серых листьев, гонимых ветром.

– Ты меня за нос водишь!

– Я бы не стал водить тебя за нос, даже если бы хотел, – серьёзно сказал Эразмус. – Ещё я читал истории о том, как родители заходили в спальни детей ночью и обнаруживали только серое пятно на подушке. А ещё была очень странная статья про Минти Тогс, которая вбила себе в голову, что она – постиранное бельё.

Поппи остановилась и скрестила на груди руки, спрятать за ними сердце – оно трепыхалось, будто выловленная из воды рыба.

– Вчера вечером я нашла страничку о Минти Тогс в архиве пропавших без вести.

Эразмус вскинул брови и поведал ей, что знал:

– В день, когда глаза Минти Тогс начали сереть, она пошла к бельевой верёвке и повесила себя сушиться. Никто не знал зачем. Она делала так каждый день на протяжении нескольких месяцев и постепенно тускнела, пока однажды мама Минти не вышла на улицу и не обнаружила покачивающийся на ветру кусок серой ткани. Больше Минти никто не видел. – Он замолчал, заметив, как Поппи передёрнуло от ужаса. – Были и другие случаи. Я выписал несколько самых необычных и сделал для тебя копию.

Эразмус достал из носка аккуратно сложенный квадратом лист бумаги. Поппи взглянула на безукоризненные чернильные строчки и демонстративно убрала лист в карман.

– Ознакомься с ними, вдруг найдёшь что-то, кроме очевидного. – Эразмус сделал паузу. – Я не из тех, кто обращается за ответами к звёздам, верит в пророческие сны и прочую чепуху, – произнёс он таким тоном, будто выступал перед слушателями. – Я человек науки. – Поппи подавила смешок, но Эразмус продолжил: – Я не верю в предчувствия или чудовищ, нападающих на людей под покровом ночи. Но я откуда-то *знаю* – не уверен почему, – что всё это имеет какое-то отношение к Щеппам, чем или кем бы они ни были.

Поппи была взбудоражена и напугана не меньше его.

– Нам просто нужно определиться, на чём фокусироваться, и тогда мы сможем предположить, почему и как всё это происходит, – сказала она, постаравшись, чтобы это прозвучало уверенно.

чало не менее умно, но в то же время таинственно. – Что важнее: тот синий порошок, исчезновение детей или сам город?

– Ну, я уже успел немало узнать в библиотеке, – сказал Эразмус. – Я прошерстил местные архивы и запланировал для нас небольшое интервью.

– Что ещё за интервью? С кем? Ты сказал, что мы идём в библиотеку! – Поппи оглянулась на оставшуюся позади улицу. Если подумать, у неё уже давно возникло подозрение, что они сбились с пути.

– Я сказал так, чтобы твоя бабушка нас отпустила, – самодовольно ответил Эразмус. – Не волнуйся. Вскоре всё прояснится.

Эразмус привёл Поппи на окраину города, где начиналась тропа, уходящая в глубь Загадочного леса. В какой-то момент кряжистые деревья расступились, и ребята вышли на поляну перед мутной рекой, придающей пейзажу ещё большую унылость. Они недолго шли по берегу, пока не наткнулись на прибитый к пню знак с надписью «Марли», под которым висело маленькое ведёрко с крышкой, видимо, как предположила Поппи, игравшее роль почтового ящика. Но кто-то дополнительно написал на знаке баллончиком «Бере-

гис Шепелявого Марли». Те же самые слова были вырезаны на стене вагона, в котором Поппи приехала в Пену.

– А нам вообще можно здесь ходить? – спросила она, ощущая в груди знакомую тяжесть беспокойства. – Разве нарушать границы частной собственности не запрещено?

Поппи остановилась, чтобы проверить, хорошо ли затянуты её шнурки, и обратила внимание на ещё три самодельных знака, торчащих по обочинам тропы:

ПОШЛИ ПРОЧЬ
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
МАРЛИ ДО ВАС ДОБЕРЁТСЯ

«И что он сделает, когда до нас доберётся?» – подумала Поппи и немедленно об этом пожалела.

– Это не его земля, – сказал Эразмус. – Он не сможет приказать нам уйти с его земли, если она не его.

– Ну, может, он сквоттер, самовольно поселился здесь и считает себя вправе, – тихо предположила Поппи, но Эразмус проигнорировал её слова.

Поппи знала о правах сквоттеров, потому что её папа как-то раз помогал по каким-то юридическим вопросам своему другу Хьюго: его второй дом обжили сквоттеры. Поппи была не в восторге от Хьюго и его жены Леды с её неизменно кислым выражением лица.

– А тебе не нужно успеть домой к ужину или ещё за чем-нибудь? – спросила Поппи в надежде заставить Эразмуса вернуться назад в город.

Бабушка ела, когда хотела, поэтому они ужинали обычно где-то между половиной девятого и девятью вечера.

– Я сам готовлю себе ужин, – откликнулся Эразмус. – И обед, даже когда хожу в школу.

Поппи посильнее запахла кофту. Вечер выдался прохладным. Мама была права насчёт погоды в Пене. Здесь границы времён года были сильно размыты: уже сейчас в листве можно было заметить первые осенние мазки.

Всё чаще под деревьями виднелись кусты, усыпанные жёлтыми ягодами. Они росли гроздьями, будто сбивались в кучки, спасаясь от холодного ветра.

– Они ядовитые, – вовремя предупредил Эразмус: Поппи уже присматривалась к ветке с особенно мясистыми ягодами. – Марли выращивает их, чтобы отваживать людей.

– Кто он такой, этот Марли? – взволнованно спросила Поппи.

Ей приходилось уговаривать себя идти вперёд. С тех пор, как её сердце начало иногда мчаться галопом, ей стало всё труднее нарушать правила. Она почти слышала исходящий от букв на знаке гневный крик: «ПОШЛИ ПРОЧЬ!»

«Мама нарушила правила, – ей не хотелось так думать, но мысль было не удержать. – Она знала, что ездит с неработающими поворотниками, и чем это закончилось для неё на том повороте?»

Поппи провела пальцами по грубой коре растущего рядом дерева, возвращаясь в реальность. Она ненавидела себя за

эти мысли. Мама была не виновата, разве нет?

– Поппи?

– Да?

– Ты спросила меня, кто такой Марли.

– Да, прости.

– Марли, более известный среди населения Пены как Шепелявый Марли, бездомный... только у него есть дом. Почти все в городе – а вообще-то я думаю, что абсолютно все – его избегают. Он что-то вроде местной головной боли, так как многие считают, что он подворовывает и у него проблемы с алкоголем. Большинство придерживается мнения, что от одинокой жизни у него слегка поехала крыша. Те, кто бывал неподалёку от его дома, утверждают, будто слышали, как он кричит на самого себя. Он живёт в Пене уже лет пятьдесят как минимум.

– И *зачем* мы его ищем?

– Мы на месте! – неожиданно воскликнул Эразмус и выудил из ранца видеокамеру. Сняв крышку с видеоискателя, он принялся снимать крупным планом ягоды и деревья. – Дом Марли, – чётко произнёс он, явно для записи. – Двадцать седьмое августа, шестнадцать часов восемь минут.

Поппи теперь тоже могла разглядеть за кустами хлипкие ступеньки, ведущие вниз, к реке. К берегу была причалена ветхая баржа. Её корпус усеивали заплатки из прогнивших досок и оловянных полос, видимо, в попытке заделать опасно большое количество протечек.

Эразмус завершил съёмку и потащил Поппи по ступенькам к барже, служившей, судя по всему, домом Марли.

– Мне кажется, здесь опасно! – прошептала Поппи, заметив скопившиеся вдоль края воды ржавые горы мусора.

Эразмус вступил на крохотную палубу и громко постучал в низкую дверь. Поппи в ужасе замерла, но быстро поняла, что рядом с Эразмусом ей не так страшно, чем с лесом за спиной, и шагнула вслед за ним на баржу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.